

— **ВСЕ**, — объявил Анатолий Силин, режиссер молодежного театра. — Репетиций больше не будет. И спектаклей тоже. Вчера ЖЭК поставил нам ультиматум — или мы сами убираемся отсюда до первого числа, или они выбрасывают декорации на улицу.

Стол, покрытый традиционным бордовым плюшем, стоял на сцене. За столом сидели семеро, и казалось, что идет очередная пьеса. Где она, следующая реплика: «Ребята, у меня есть идея! А что если попробовать?..» Но тягостное молчание повисло над столом. Потому что давным-давно все возможные идеи были опробованы. Потому что трудно было расставаться с театром, которому отдано столько сердца и жизни. Потому что нелепы были сами причины, по каким им приходилось терять театр...

ИВАН Григорьевич Баканов, начальник ЖЭК-16 Бауманского района Москвы, при упоминании о театре смурнел, и логика его рассуждений становилась весьма схожей с логикой ссоры в коммунальной квартире:

— Сидите допоздна, так платите за свет. Я, что ли, за вас буду платить?

— Давайте мы будем платить...

— Мы не можем вам доверить материальные ценности. Вы не наши работники.

— А Купина?

— Мы ее давно знаем.

— Давайте мы приведем человека, который распишется за все материальные ценности и будет дежурить здесь.

— Не нужно. Мы не можем Купину отстранить от общественной работы.

— А вы не отстраняйте.

— Тогда платите ей. У вас есть ставка?

— Нет.

— Ну, тогда и разговора нет!..

От Бауманской, от метро, от шумных улиц, направо, вниз в переулки: вот арка, двор, дом, ступеньки вниз, закрытые двери. За ними — тот подвал.

Девять дней я регулярно приезжал к этим закрытым дверям, расспрашивал старушек во дворе, мальчишек — нет, закрыто, никого не было. Но наконец...

Елена Михайловна Купина, общественница, подчеркнуто официально приняла меня в своем кабинетике. Проверила мои документы. Записала фамилию. «Это зачем?» — заинтересовался я. «Чтобы знать,

куда жаловаться», — пояснила она и пододвинула журнал мероприятий. Я полистал его.

Лекция «Методы нравственного воспитания детей» — «никто не пришел». Беседа «О вреде курения» — 7 человек. Театр. «Опера нищих». Присутствовало 114 человек. И далее, после неожиданного всплеска, снова следовал унылый список. Беседа — 9 человек. Лекция — 8 чел...

ТРИНАДЦАТЬ лет назад в Московском авангардном институте возникла театральная студия. В этом здании не было ничего особен-

ПЬЕСА БЕЗ МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

ного, ибо студии возникали и там и сям и, просуществовав короткое время, тихо и мирно распадались.

— Нашей студии могла грозить та же судьба, — рассказывает ветеран театра, инженер Владимир Коршок. — Но мы сразу решили: «капустники» не плодить. Нам хотелось сразу откликаться на события, которые получили большой общественный резонанс. Кстати, отсюда и пошло название студии «Резонанс».

Летом они показывали свои спектакли рыбакам, лесорубам, морякам. Проехали по маршруту Архангельск — Северодвинск, Котлас — Воркута — Нарьян-Мар. Привезли в институт 14 почетных грамот. Через год на Международном фестивале студенческих театров «дебютантам» вручили специальный диплом.

Студенты подросли и покинули МАИ. Студия тоже. «Резонанс» стал действовать на сцене клуба имени Крупской. Премьера собственного спектакля-дискуссии «Хлеб, цветы и листовки». Потом — напряженная драма В. Голлера «Десять минут и вся жизнь». Потом они написали и поставили спектакль «Дорога длиной в 1418 дней», где все было подлинным: весточки с фронта, кадры военной кинохроники, письма...

Своей удачей считали «Лепту». В этот спектакль были влюблены все — и актеры, и зрители. Народный артист СССР Борис Равенских писал: «Они поистине купают-

ся в спектакле, отдаваясь игре всецело, и душой, и телом... Это паразитично, это достойно всяческого уважения и поощрения».

— Как у вас, Иван Григорьевич, сейчас обстоят дела с театром? — спросил я начальника ЖЭК. — Наладились отношения?

— Какие отношения?! — возмутился Иван Григорьевич. — Выкинем их и пускать не будем. Надоело! Мое помещение — и точка!

Он порылся в бумагах: «Вот предписание пожарного надзора...» Среди двух десятков пунктов о ремонте выклю-

читель, проводки, замены перегородок и пр. и пр. было и пожелание убрать декорации.

— Но их же пропитали специальным составом. Захочешь — не подожжешь.

— Не важно.

— А хоть что-нибудь из этого списка выполнили? — показал я на предписание.

— Выполним. Заказ дан, значит, когда-нибудь сделаем.

— Вы смотрели хоть один спектакль?

— А как же? ...Этот, как его, — Иван Григорьевич напрягся, но не вспомнил.

На обратном пути я завернул снова к красному уголку. Он был закрыт. Афишка приглашала всех жителей микрорайона посмотреть в 15.00 кинофильм о противопожарной безопасности.

А Иван Григорьевич не солгал, действительно он однажды явился на спектакль. Правда, в антракте ушел, хлопав поощрительно режиссера по плечу: «Молодец, продолжай!» Но ведь дело-то не именно в Баканове или в Елене Михайловне Купиной. Их роли могли бы исполнять в нашей пьесе и другие... Дело не в них, а в самом отношении к молодежному любительскому театру. «Резонанс» везде был гостем. Он перебрался из клуба в клуб, пока наконец не очутился в подвале, которым командовал Баканов.

Иван Григорьевич сдержал слово. Театр оказался на улице. Целый год они юти-

лись в маленькой комнате клуба трамвайного депо, где в одну кучу были свалены декорации и костюмы... Там же они продолжали работать, стараясь не растерять уже поставленных спектаклей и даже — тут просто диву даешься, насколько велика их преданность театру, — в этих условиях репетировали новый спектакль про веселого, грустного, озорного, находчивого Бумбараша, в этих условиях на случайной подвернувшихся сценах подтвердили свое звание народного музыкально-драматического театра. (Воистину эпитет «люби-

Пустующий подвал или самодельный молодежный театр! Выбор за вами, ЖЭК.

тельский» у театра от слова «любовь»).

Наконец помещение было найдено. Полуподвал, бывший красный уголок ДЭЗ № 3 Фрунзенского района Москвы. И опять закутурилась карусель. До сего времени подвал два года пустовал, дожидаясь ремонта. И никто не знал, когда этот самый ремонт разразится. Театр предложил свои услуги, ведь в конце концов в труппе были и профессионалы — плотники, маляры, штукатуры... По помещению не открывали.

Начальник ПЖРО Фрунзенского района направил начальника Главкиуправления при Моссовете В. Ф. Щербакону письмо, в котором сообщил, что не возражает против использования помещения красного уголка для занятий народного театра. Все были «за», но ключи от помещения театр все равно не получал. И только, когда судьбой театра решительно занялись Фрунзенский райком партии и отдел культуры Фрунзенского райисполкома, дело двинулось с мертвой точки.

Поздним вечером я заглянул в тот красный уголок. Работа кипела. Уже были подняты гнилые полы, ломались перегородки, поднималась стенка. Я видел, что ребята, ослепленные известкой, перепачканные, были счастливы. Наконец после стольких мытарств замаячила надежда иметь собственное помещение.

Теперь надо было надеяться, что в ближайшее время театру обязательно помогут

заключить договор — хотя бы на пятилетний срок — на аренду этого полуподвала.

История злоключений вроде бы подходила к концу. Но, скажите, почему бы ей с самого начала не развиваться иначе? Почему беспризорный театр должен вымалывать помещение? Почему мы умиляемся энтузиазмом и великодержанием актеров, стойко сносящих все невзгоды? Почему Силину, режиссеру бесспорно интересному, пришлось двенадцать лет обивать пороги различных учреждений в поисках места для театра? Отношение к самодельным молодежным театрам должно быть заботливым, рачительным. К этому обязывает и постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодельного художественного творчества».

Если спортсмен станет чемпионом города, то он неминуемо окажется на соревнованиях в районе и так далее, вплоть до Олимпиады. Театр, представив оригинальнейший спектакль на районном смотре, получит грамоту. Далее? Еще одну грамоту... и т. д.

А что если так? Поставил молодежный театр великолепную премьеру — находим ему помещение, пусть не самое лучшее, просто бесхозное, пустующее или слабо используемое. Ведь речь в конечном счете идет о досуге молодежи, о его содержании. Причем о молодежи, находящейся не только на сцене, но и в «зале». По обе стороны рамп. Второй отличный спектакль — помогаем аппаратурой. Третья премьера — гастроль. Должны же быть стимулы?

И при этом всем совершенно ясно, что нет никакого проката от пустующего красного уголка.

Пока тянутся переговоры, путь театра, о котором мы рассказали, повторяют другие. Меняются лишь места действия и «бездействующие» лица. А главными героями остаются все те же: молодежный театр, любительский театр, студия...

НЕДАВНО снова столкнулся лицом к лицу с режиссером театра Анатолием Силиным.

— Когда у вас следующая премьера?

— Где?.. — спросил он меня.

Оказалось, ключи от подвала, который театр с таким пылом ремонтировал, администрация, не вдаваясь в объяснения, изъяла.

М. ХРОМАКОВ.